

упоминается и въ уйгурскихъ документахъ, найденныхъ по близости.¹ Произвести точные обмѣры зданія, вплотную окруженнаго съ двухъ сторонъ (восточной и южной) зданіями и садами, а также снять его планъ намъ не удалось по недостатку времени. Примѣрно онъ имѣеть теперь (23. XI. 1909) въ основаніи: съ сѣвера на югъ 41 м., съ запада на востокъ 31 м.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Тайзанѣ уже имѣются у Клеменца² и Грюнведеля³; сдѣланные нами снимки даютъ довольно ясное представлениe о состояніи Тайзана въ концѣ 1909 года, и потому мы ограничимся пока сообщеніемъ того, что намъ удалось записать относительно Тайзана отъ старого туземца, при чёмъ мы и здѣсь дѣлаемъ постоянную повторяемую нами оговорку, что къ показаніямъ туземцевъ въ Китайскомъ Туркестанѣ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. Разсказчикъ Мухаммедъ Эминъ, повѣренный мѣстного дарога, ему за 50 лѣтъ.

Онъ помнить какъ дѣтьми они играли на Тайзанѣ. Тогда на немъ еще былъ третій рядъ нишъ и наверху выдавалось иѣчто съ завитками, что они считали башней. У нихъ была такая игра: одинъ становился на эту башню и былъ ханомъ, другіе стояли кругомъ, ниже. До Якуб-бека китайцы не позволяли трогать Тайзана и возить землю. Въ нишахъ стояли еще всюду «буты», хотя и поврежденные. Въ день новаго года китайцы ставили всюду въ ниши свѣтильники и молились «бутамъ»; весь Тайзанъ былъ такимъ образомъ въ огняхъ. Входъ былъ съ юга, была лѣстница и еще какія то строенія съ фресками. Внутри было видно много дерева, балокъ, но все было замусорено и не было видно статуи. Затѣмъ, во время Якуб-бека жители Астаны просили разрѣшенія свозить землю съ Тайзана на поля и, получивъ разрѣшеніе, стали возить, при этомъ то и открылся «бут»: то, что считали башней была его голова, онъ былъ громадный, сидящій. Когда онъ открылся, его разбили на куски, осталось отъ него немногого. Стали возить и дерево, которое было отличное иссорились изъ-за него. Однажды кто-то ночью поджегъ дерево въ Тайзанѣ и внутренность его горѣла долго; Мухаммедъ Эминъ говорить, что пожаръ продолжался «мѣсяцъ». Когда разбили «бут», внутри его была масса книгъ. Ими забавлялись и жгли ихъ въ поноженіе «бута»; самъ Мухаммедъ Эминъ тоже это дѣлалъ. Такъ продолжалось до водворенія китайцевъ. Тогда жители перестали возить землю, боясь китайцевъ, пока наконецъ въ прошломъ (1908) году не началъ копать Мумидъ Джиса (очень вліятельный и хитрый мелкій чиновникъ, усиленно подражающій въ своемъ обиходѣ китайцамъ). Послѣ этого и другіе жители Астаны просили позволенія опять возить землю, позволеніе получили и взяли. Въ прошломъ году, говорить Мухаммедъ Эминъ, еще видны были колѣна «бута». И теперь еще находятъ «бумаги» (рукописи) и вещи, но мало. Насколько эти свѣдѣнія о находкахъ справедливы, не знаю, мнѣ не удалось купить ни рукописей, ни вещей, найденныхъ въ Тайзанѣ; связка китайскихъ рукописей, которую я купилъ у Тохта-шайха (шайхъ мазара Али-ата въ Астанѣ), принадлежитъ находкамъ въ Идикут-шари.

До Якуб-бека, разсказываетъ Мухаммедъ Эминъ, мусульмане хотѣли построить къ югу отъ Тайзана мечеть, и построили маленькую мечеть, несмотря на протесты китайцевъ. Потомъ во время

¹ Говорится о виноградникахъ Тайзана Grünwedel I, 183—186.

² Klementz 30 и рисунокъ 3.

³ Grünwedel I, 6 и Fig. 45—46.